

Исследования: *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философ. общества СССР. 1991. Культура и религия. М., 1991. С.183–203; *Арзаканьян Ц.Г.* Культура и цивилизация // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 3; Трактовка гуманизма в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации // От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела. М., 1969; *Байбури А.К., Левитов Г.А.* // Тезисы к проблеме: «волшебная сказка и свадьба» // *Quinquagenario*. Тарту, 1972; *Бердяев Н.А.* Дух и машина // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 216–213; Царство Духа и Царство Кесаря (гл. II. – Человек и Космос. Техника) // Там же. С. 245–252; *Бодрийяр Ж.* Система вещей, 1968. М., 1995; *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977; *Гессе Г.* Игра в бисер, 1943; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895 (М., 1995); *Кокс Х.* Мирской Град, 1965. М., 1995; *Конрад Н.Н.* Запад и Восток. М., 1972; *Лем С.* Сумма технологий, 1964 (М., 1975); *Леонтьев К.Н.* Византия и Славянство // Восток, Россия и Славянство. Сб. статей: В 2 т. М., 1895. Т.1; *Лотман Ю.М.* 1) Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. 1; 1973. Вып. 2; 2) Массовая культура как историко–культурная проблема // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1993. Т. III. С. 380–388; *Маркарян Э.С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация, 1956. Киев, 1995; Одномерный человек, 1964. Киев, 1994; *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966; *Новикова А.И.* Понятие цивилизации и его познавательные функции // Философия и культура. М., 1987. С. 174–194; Ноосфера и художественного творчество. Сб. статей. М., 1991; Освальд Шпенглер и Закат Европы. Сб. статей Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка. М., 1922; Панорама современных наук. Нью Йорк, 1982; Первый Российский философский конгресс «Человек – философия – гуманизм». Тезисы докладов: В 7 т. СПб., 1997. Т. 4. Философия в мире знания, техники и веры; *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991; *Петрухин В.Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе // Обычай и культурно–дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979; *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // Русский вестник, 1892. Т. 218. С. 156–188; *Семенов Ю.Н.* Социальная философия А. Тойнби. М., 1980; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1993; *Федоров Н.Ф.* Мефистофель как выразитель светской культуры // Н.Ф. Федоров. Соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 204; *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. статья и прим. К.А. Свасьяна. М., 1993; *Яснейс К.* Смысл истории. М., 1995; Утопия чистоты и горы мусора (*Studia Litteraria Polono-Slavica*. V. 4). Варшава, 1999; *Benveniste E.* Civilisation. Contribbucion a l'histoire du mot // Eventall de l'histoire vivante. Paris, 1953. Vol. 1. P. 47–54; *Gallot E.* Civilisation et civilisations. Recherche d'une philosophie inquiry into Freud. London, 1956; *Gowel F.R.* Values in human society. The contributions of P.A. Sorokin sociology. Boston, 1970; Net J. U. Cultural foundations of industrial civilization. Cambr. (Mass.), 1958; *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. New-York, 1962. Vol. 1–4.

ФАКТ / СОБЫТИЕ

Уровни исторической экзистенции. Факт – внесмысловая элементная наличность происшедшего, он не порождает других фактов, фабульно маргинален, представляет материальную периферию исторического процесса, пребывает в модусах случайного, дискретного, детального, не уникален и взаимозаменяем; фиксируется в рангах возможности, в формах слуха и сплетни, не нуждается в свидетеле и не актуален для задач хранения и наследования информации. Факт – это форма апофатического бытия события, его эмбрион. Событие есть факт в статусе автономной существенности: оно оставляет след в поле детерминант, провоцирует динамику процесса; событие актуально вплетено в мировое целое, репрезентирует целостность мира во всей полноте наблюдаемых состояний, обладает аксиологическим приоритетом для свидетеля и прагматической уместностью для общественного опыта; маркируется в терминах мнемонической и пропедевтической ценности; служит юридическим аргументом («казус») и элементом исторического объяснения, входя в качестве таковых в соци-

альную память; составляет основной фон человеческой действительности; является эмпирическим сырьем для зодчества жизни и творческого поведения. Аксиология события состоит в его свойстве отвечать за всю смысловую целостность актуальной связанной с ним конкретной событийной композиции; в этом плане событие есть конструктивно значимый момент **эстетики истории**. Факт может быть бесспорным в цепочке каузально связанных явлений. Но он живет плоской жизнью натурального самообозначенья, являясь как бы «макетом» события, напр.: факт-гипотеза – «Александр I не умер в Таганроге» есть возможность события – «Фёдор Кузьмич». Не–событие (т.е. факт) прошлого (напр., обычный ренессансный портрет юноши) нагружается символической значимостью события (А. Блок увидел в таком портрете свое изображение; см. дневниковую запись от 29 июля 1903 г.). Событие – это факт, уличенный в смысле, облеченный в смысл. Событие – это осмысленный факт. По Л. Толстому, смыслы событий возникают, когда они «вырезаются в свое значение»; в «Люцерне», 1857 герой, наблюдающий, как со-

тня богатых зевак оставила без подавания нищего певца, возводит фактичность эпизода (точка зрения зевак) в ранг мировой событийности (с т. зрения рассказчика). Для Толстого естественным претензиям события на историчность отвечает его способность стать моральной проблемой (см. *Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1984. Т. 6. С. 280*). «След» факта есть его проблематизация, т.е. превращение не просто в событие, но в событие смысла. «Следы» событий смысла, образующие сложные конфигурации, и есть история. Прошлое состоит не из адекватной, довлеющей себе автономной наличности, а из смысловых архитектур, в плане которых Промысел и человеческие деяния провиденциально соотношены: каприз личной воли органично отвечает вышней предестинации Божьего Домостроительства и общей судьбе мировой плоти. Смысловое бытие события, сопряженное с метасмысловым усилием человеческого уразумения есть уже «со-бытий» – благодатно санкционированная, овеществленная и призванная к имманентной значимости экзистенция. Свой высший смысловой ранг мирская бытийность получает в формах сакрализации неповторимого эпизода, благодаря чему он становится «вечным Событием» метаистории (Ницше; символисты; Блок). Так, воспроизведение в литургии судьбоносных моментов Священной истории; кардинальные вмешательства национального Рока в жизнь народа; поединки стихий Света с демонической ратью, отразившиеся на земле катастрофами, что описаны в «Розе Мира» (1950-е) Д. Андреева, – везде актуализирует свое волевое присутствие предвечная онтологическая грамматика событийности. Ее можно комментировать в терминах «основного мифа», «архетипа», «мифологемы» и других дериватов культурно-исторического и социально-психологического стереотипа, но центральной проблемой отечественной философии истории и историософии остается понимание не собственно событийного, а событийно-смыслового. Если Космос «думает» энергиями и состояниями материи, вещами Бытия, то история (ноосфера в ее внутренней динамике) «думает» смыслами событий. Иррациональный избыток движения истории утратит свою «загадочность» (в плане вечного запроса: «почему все произошло так, а не эдак?»), когда наука истории отделит слепую необязательность факта от смыслового древа альтернативно ветвящейся событийности, и когда слово историка о событии также станет историческим со-

бытием смысла. Теории сюжетосложения известно, что фабульная эмпирия факта предстоит художнику в качестве сырого фактического материала, который лишь на уровне сюжетной организации обретает органику событийности (то, *о чем* рассказывается), а сам процесс рассказа (то, *как* рассказывается), также становясь на уровне композиции событием, возрастает в целостное единство текста. Встреча двух событийных рядов: событий, о которых повествуется, и событие самого нарратива – и есть со-бытийственная в единственном смысле реальность художественного произведения, что не слишком далеко от «эстетической самоорганизации» жизни (Ф. Степун) внутри самой жизни как событийно осмысленного и ответственно свершаемого поступка («бытие события» по М. Бахтину; акт «творческого поведения» – в терминах М. Пришвина). Переход от фактичности к событийности – это смена онтологического амплуа. В мире «одна случайность уравнивается другой, и вот уже собирается множество фактов, вырисовывается определенный способ выбирать позицию, в отношении человеческой ситуации, *событие*, контуры которого определились и о котором можно говорить» (*Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. С. 19; курсив автора*). Впечатляющий опыт метасобытийной герменевтики накоплен русской религиозной философией и в школе художественно-эстетического мемуарного свидетельства. Обостренное историческое чувство наших мыслителей и русская жанровая привычка памятной записи спасли жизни «пестрый сор» (так Пушкин означил прозаику повседневной фактичности) от исторической амнезии и отстояли преемство событийно-смысловой памяти. В эпохи цензуры и фальсификации прошлого (см. цезаристские генеалогии Иоанна IV Грозного, Петра Великого; мифологию вождизма в 30–50 гг. XX столетия) происходят вычеркивания и переименования исторических явлений (упразднение слова «раб» при Екатерине Великой; ср. рассуждения Щедрина о девальвации смысла слов «государство» и «отечество»). В XX в. оппозиция «факт/событие» переживает инверсию, смысловую деформацию и семантическую болезнь, начиная работать на тотальный семиозис подмены (см. исследования новояза в антиутопиях Дж. Оруэлла и Е. Замятина). Переживаемая ныне шоковая терапия возврата внесмысловым «фактам» их подлинно-событийного статуса и смыслового тела богата симптомами исто-

Исследования: Артамонов В.А. Национальный характер и история // Стили мышления и поведение в истории мировой культуры. М., 1990. С.54–81; Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности // История и источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89–101; Бородина Т.В. К определению категории факта и методология исторического познания // Категории философии и развитие научного познания. Саратов, 1983. С. 113–115; Вахтомин В.К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория. М., 1973; Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59–88; Исупов К.Г. 1) Мифология истории // Логос СПб., 1992. Кн. 2. Российский духовный опыт. С. 104–112; 2) Русская эстетика истории. СПб., 1992; Ландгребе А. Размышления по поводу слов Гуссерля “Die Geschichte ist das grosse Faktum das absoluten Seins // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 3. С. 180–198; Лисовица А.П. Категория «исторический факт» в марксистской и буржуазной философии истории. Кишинев, 1981; Лотман Ю.М. 1) Структура художественного текста. М., 1970; 2) О каузальных связях в семантическом ряду // Семиотика культуры. Архангельск, 1988. С. 6–10; Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ф. Ницше. Соч.: В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 159–231; Руднев В.П. Феноменология события // Логос. М., 1993. № 4. С. 226–238; Секацкий А.К. Опыт текстологического анализа советской философской литературы 50-х годов // Сфинкс Петербургский философский журнал. СПб., 1994. № 1. С. 7–41; Соколов Е.Г. Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 2. История. С. 143–166; Тынянов Ю.Н. Литературный факт, 1924 // Ю.Н. Тынянов, Литературный факт. М., 1993. С. 121–137.

ХАНДРА

Метафизическое беспокойство души, переживание беспредметной тревоги, ощущение размытости жизненного горизонта, избыток чувства подавленности при дефиците общения. Эстетические ценности меланхолии осмыслены и выстроены в классификацию эпох барокко (Р. Бёртон). Пришедшая с байронизмом европейская мода на позу скучающего денди с его сплином выразила наивный эгоизм западного индивидуализма: аристократическое презрение к суете, романтическая мизантропия. В «русской хандре» (Пушкин) порождаются способы душевного самоопределения русского человека на рубеже между азартной активной деятельностью (напр., на переходе теоретического масонства александровского времени к суматошному активизму раннего декабризма) и столь же крайним бессилием. Х. знаменует границу, разоблачающую намерение и перспективу: «я» проектирует одно, а получается другое, причем «я» знает заранее, что это «другое» его своими результатами никак его не устроит. Смысл границы в том, что по одну ее сторону – готовность к поступку, а по другую – его бессмысленность, загода пережитая. Эта межа пересекает пространство внутреннего диалога «я». «Я» разламывается на того, кто переоценивает затаенную в пустоте жизни мощь ненависти мира, и того, кто с неосозанным страхом и скорбью стоит перед альтернативой: или отдалиться ритму самотекущего бытия (равнодушие), или отринуть его в кардинальном самоотказе (самоубийство). В перечне

душевных состояний Х. замыкает цепочку ‘грусть – уныние – скука – Х.’ и стоит в начале списка фундаментальных интенций внутренней жизни: ‘Х. – тревога – трепет – страх – тоска – горе – отчаяние’. Таким образом Х. оказывается точкой смыслового стяжения обеих ветвей цепочки; первая создает насыщенность эмоционального фона, а вторая – глубину бытийной перспективы. Элегическая меланхоличность и мечтательная созерцательность далеки от хандры: в последней зреет беспредметная злоба на себя и на уже готовый мир, в котором «я» никем не встречено и обречено на судьбу маргинала. Хандрит человек, овнешненный и отчужденный низкой «средой», не приглашенный на «пир жизни». Он мучительно силится и не может вспомнить тропы к единственно значимому месту его присутствия в большом и значительном мире, он одержим неясным чувством врага, чьим усилием событийный мир вокруг «я» предстает стенами вязкого тумана. Мир самосознания превращается в мир кривых зеркал. Это состояние Кая, только что раненного осколком зеркала; ближний стал врагом (розановское «человек человеку – бревно»). В хандре отмечена несобранность личности, утрата жизненной цели и надежды на идентичность. Христианская традиция, называющая уныние смертным грехом, знает, что от тоски и скуки человек готов зарыть свой талант в землю (бесконечный апатический сон Обломова). Эстетский сплин капризен, самодостаточен и преходящ, как всякое